

[Stable URL: <http://elar.uniyar.ac.ru/jspui/handle/123456789/2947>]

[. . . 2010: :]

. . . 2010:

//

100-
, 17-21.

:

/ . .

(. .). . II.

THE SCIENTIFIC & EDUCATIONAL
CENTRE FOR CLASSICAL STUDIES
AT YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY
YAROSLAVL, RUSSIA

DAS WISSENSCHAFTLICHEN FORSCHUNGS- UND
STUDIENZENTRUM FÜR DIE GESCHICHTE,
KULTUR UND RECHT DER ANTIKE
DER STAATLICHEN DEMIDOW-UNIVERSITÄT JAROSLAWL
YAROSLAWL, RUSSLAND

RUSSIAN SOCIETY OF CLASSICAL STUDIES

« »
THE RESEARCH AND EDUCATIONAL FOUNDATION
"THE CENTRE FOR ROMAN LAW STUDIES"
YAROSLAVL BRANCH

YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY

В.А. Квашинин
(г. Вологда, Россия)

Городские и догородские традиции в Раннем Риме в отражении X таблицы законов XII таблиц

В исторических и правовых исследованиях XIX-XX вв. самое пристальное внимание вызвали положения X таблицы, содержащей нормы, регламентировавшие погребальные обряды. Античная традиция сообщает о существовании целого комплекса мер ограничительного характера при погребениях – оговаривалось количество одежды, плакальщиц, флейтисток, употребление вина и благовоний, запрещалось захоронение вместе с умершим изделий из золота¹. Еще Б. Нибур интерпретировал нормы X таблицы как попытку ограничения чрезмерных

¹ *Cic. De leg. II. 23. 59: Extenuato igitur sumptu tribus reciniis et tunica purpurea et decem tibicinibus tollit etiam lamentationem* (Ограничив расходы [на погребение] тремя саванами, одной пурпурной туникой и десятью флейтистами, закон запретил также и оплакивание умерших. Здесь и далее пер. В.О. Горен-

расходов аристократии с целью предотвращения недовольства основной массы населения Рима². Позже эту идею развил Ф. Виакер, по мнению которого положения X таблицы следует рассматривать как реакцию на престижные траты аристократических домов, вызывавшие в сложных условиях ранней Республики недовольство плебеев³. В том же духе дают объяснение Д. ван Бердем, Д. Колонна, М. Торелли, В. Эдер, К. Амполо, Э. Балтруш⁴. Таким образом, значительной группой исследователей нормы X таблицы были отнесены к категории законов о роскоши, поскольку, по их мнению, они уменьшали для аристократических семей возможность демонстрации своего богатства и увеличения престижа посредством значительных трат на погребальный инвентарь, плакальщиц, организацию поминок и т.д. Следует отметить, что подобный взгляд на природу норм, ограничивавших роскошь погребений, характерен и для исследователей, изучающих раннее греческое право. Появление законов, упорядочивающих погребальную обрядность, связывается ими с распространением в архаической Греции эгалитаристских тенденций, вызванных процессом становления полиса. Вводимые ограничения затрагивали в первую очередь представителей аристократических семей, устраивавших демонстративно расточительные похороны, что повышало их престиж и возвышало над демосом⁵.

В то же время в литературе неоднократно высказывались серьезные сомнения в правомерности такой трактовки раннеримских правовых норм, регламентировавших погребения. Еще М. Казер указывал на то, что важнейшим источником правовых норм архаического периода было сакральное право, созданное жречеством⁶. И. Заурвайн, отметив, что зафиксированная в X таблице традиция явно принадлежит к области *ius sacrum*, справедливо обращает внимание на то, что законы XII таблиц не закрепляли этот пласт архаической традиции, а, напротив, боролись с проявлениями архаики в области погребального обряда⁷. Подробно исследовавший данный вопрос М. Тозр отмечает, что, хотя внешне правовые нормы, зафиксированные в законах XII таблиц, и законы о роскоши и выглядят взаимосвязанными, они явно относятся к разным сферам общественного регулирования⁸. Если следовать античной традиции, законы о роскоши как таковые появляются в Риме только в конце III в. до н.э. Введившиеся ими ограничения в основном затрагивали сферу потребления (одежда, ювелирные украшения, продукты питания и т.д.). Среди древних авторов нет единства по поводу принадлежности законов о погребениях к сумптуарному законодательству. Макробий и Тертуллиан никак не связывают две группы законов друг с другом⁹. Сведения Цицерона, Авла Геллия и Аммиана Марцеллина слишком неопределенны, чтобы на их основе делать вывод о принадлежности норм X таблицы к законам о роскоши¹⁰. С другой стороны, не находит подтверждения в античной традиции и антиаристократическая направленность положений X таблицы, постулируемая в историографии Новейшего времени. Античные источники определенно не связыва-

штейна); *Cic. De leg. II. 24. 60*: Haec praeterea sunt in legibus: «Serulis unctura tollitur omnisque circumpotatio». «Ne sumptuosa respersio, ne longae coronae, nec aceruae praetereantur» (Кроме того в законах было установлено: «Запрещается умащивание рабов и питье круговой чаши... Да не будет ни пышного окропления, ни больших венков, ни курильниц»; XII Tab. 8. 8: Ne aurum addito. At cui auro dentes iuncti escunt, ast im cum illo sepeliet uretve, se fraude esto (А также золота с покойником пусть не кладут. Но если у умершего зубы были скреплены золотом, то не возбраняется похоронить или сжечь его с этим золотом).

² Niebuhr B.G. *Römische Geschichte*. 3 Aufl. T. II. Berlin, 1853. S. 314 f. Cp.: Houwing J.F. *De Romanorum legibus sumptuariis*. Leiden, 1883. S. 27-29.

³ Wieacker F. *Die XII Tafeln in ihrem Jahrhundert // Les Origines de la république romaine*. Vandocuvres-Geneva, 1967. S. 313.

⁴ van Berchem D. *Rome et le monde grec au VI siècle a.n.e. // Mélanges d'arch. et d'hist. offerts à A. Piganiol / Ed. R. Chevallier*. T. II. Paris, 1966. P. 745; *Colonna G. Un aspetto oscuro del Lazio antico: Le tombe del VI-V secolo a. C. // PP. 1972. 32. P. 159*; *Torelli M. Roma arcaica: Archeologia e storia // Roma arcaica e le recenti scoperte archeologiche*. Milan, 1980. P. 14; *Ampolo C. Il lusso funerario e la città arcaica // AION. 1984. 6. P. 86-97*; *Eder W. The Political Significance of the Codification of Law in Archaic Societies: An Unconventional Hypothesis // Social Struggles in Archaic Rome: New Perspectives on the Conflict of the Order*. Ext. and upd. ed. / Ed. by K.A. Raaflaub. Malden-Oxford-Carlton, 2005. P. 256-257.

⁵ Обзор соответствующей литературы см.: *Toher M. The Tenth Table and the Conflict of Orders // Social Struggles in Archaic Rome... P. 269, 282-286, 287. Not. 13, 16-17*; *Суриков И.Е. Проблемы раннего афинского законодательства*. М., 2004. С. 114-115.

⁶ *Kaser M. Das Römische Privatrecht*. T. I. München, 1955. S. 25.

⁷ *Sauerwein I. Die leges sumptuarie als römische Maßnahme gegen den Sittenverfall*. Hamburg, 1970. S. 9,15.

⁸ *Toher M. Op. cit.* P. 270.

⁹ *Macr. Sat. III. 17; Tert. Apol. 6.1-6.*

¹⁰ *Cic. De leg. II. 23. 59; Gell. II. 24, XX. 20. 1. 20; Amm. Marc. XVI. 5. 1.*

ли погребальное законодательство раннего Рима с внутривластической борьбой. Кроме того, несмотря на свой ярко выраженный ограничительный характер, X таблица не создавала никаких препятствий для строительства дорогостоящих надгробных памятников и монументов, что позволяло знатым семействам демонстрировать свое богатство и престиж, никак не нарушая положений законов XII таблиц. Данное положение убедительно обосновывает на примере греческого материала И.Е. Суриков. Как он указывает, в постсолонский период на протяжении всего VI в. до н.э. на территории Аттики присутствуют выделяющиеся своей монументальностью и пышностью надгробия. По мнению исследователя, «создается впечатление, что аристократы, ущемленные в проявлениях своего богатства и величия непосредственно во время похорон, как бы «отыгрывались», возводя на могилах своих умерших родственников настоящие произведения искусства, вне сомнения, крайне дорогостоящие»¹¹. Более того, по мнению Э. Снодграсса, погребальное законодательство Солона фактически стимулировало строительство дорогостоящих надгробных памятников, тем самым компенсируя запрет на расходы иного рода на похоронах¹². Таким образом, ограничение расходов непосредственно на момент погребения само по себе еще не являлось эффективным средством борьбы с аристократией. Возникает вопрос – может быть, здесь мы сталкиваемся с определенной недоработкой древних законодателей, которые не предусмотрели все возможности для демонстрации богатства и престижа знатных родов? С другой стороны, можем ли мы экстраполировать модель, характерную для афинского общества позднеархаического периода, на римское общество ранней Республики?

Думается, что в реальности картина была более сложной. Данные археологии ставят под серьезное сомнение тезис об «антиаристократическом» характере раннеримского погребального законодательства. Исследования последних десятилетий показывают, что пышные захоронения на территории Лация исчезают около 580 г. до н.э.¹³. Помимо этого, большинство запретов, содержащихся в X таблице, не находят материального подтверждения в раскопанных погребениях. Выявленный погребальный инвентарь (различные виды керамической посуды, бронзовые сосуды и оружие, ювелирные украшения, выполненные из различных материалов) не упоминается в законах XII таблиц. В связи с этим вполне обоснованным выглядит вывод М. Тоэра о том, что X таблица не только не могла быть эффективным средством ограничения определенных форм престижного потребления, практиковавшихся аристократическими кланами Рима, но и сама эта проблема не была актуальной для римского общества середины V в. до н.э.¹⁴. Другое объяснение связано с достаточно распространенным в литературе представлением о том, что кодифицированные децемвирами законы не вводили, а лишь санкционировали уже существовавшую практику. Так, Т. Корнелл, пытаясь объяснить расхождение между данными археологии и античной традиции, приходит к выводу о том, что законодатели лишь узаконили в X таблице то, что существовало в виде общественной практики примерно столетие до эпохи децемвирата¹⁵. Подтверждением этой точки зрения служит пласт античной традиции, относящий введение подобных запретов к эпохе Нумы Помпилия¹⁶. Однако, в этом случае в Риме должна была существовать устойчивая соционормативная традиция, проявления которой можно было бы обнаружить в правовых актах, регулировавших порядок погребения. Между тем, с V по I вв. до н.э. нет никаких свидетельств существования в Риме погребального законодательства. Первый закон подобного рода, принятый после законов XII таблиц, появляется только при Луции Корнелии Сулле в 81 г. до н.э. (Plut. Sulla. 35. 3). К этому же столетию относится упоминание Цицероном *poena legis* за пышные монументы, возводившиеся на могилах (Cic. Ad Att. 12. 35). Наличие лакуны в четыре столетия позволяет предположить отсутствие подобной традиции, как и ограничительно-уравнивающей тенденции в области общественного регулирования погребальной практики. Сведения Полибия заставляют заподозрить, что положения X таблицы в незначительной степени или даже никак не повлияли на массовость и пышность похоронных церемоний в Риме (VI. 53-54). По всей видимости, первые попытки регламентации и огра-

¹¹ Суриков И.Е. Указ. соч. С. 115.

¹² Snodgrass A. Archaic Greece: The Age of Experiment. L., 1980. P. 146.

¹³ Cornell T. J. Rome and Latium Vetus, 1974-1979 // AR. 1979-1980. P. 76; Toher M. Op. cit. P. 272, 279; Torelli M. The Topography and Archaeology of Republican Rome / A Companion to the Roman Republic / Ed. by N. Rosenstein, R. Morstein-Marx. Malden-Oxford-Carlton, 2006. P. 84-85.

¹⁴ Пытаясь разрешить это противоречие, Марио Торелли указывает на возможность того, что принятие X таблицы отразило идеологический выбор, обусловленный влиянием греческих полисов южной Италии (Torelli M. The Topography and Archaeology... P. 85).

¹⁵ Cornell T. J. Op. cit. P. 76, 83. Cp.: Colonna G. Op. cit. P. 131.

¹⁶ Plin. NH. XIV. 88; Plut. Numa. 12. 1-2.

ничения расходов на погребения приходится на I в. до н.э., когда проблема избыточной роскоши погребений становится действительно актуальной для римского общества¹⁷.

Приведенные выше соображения позволяют заключить, что принятие норм X таблицы не было обусловлено узкоконкретными целями какой-либо политической силы или социальной группы. Как отмечает М. Тоэр, эти законы не были ни результатом давления со стороны низших классов, ни попыткой правящей аристократии обуздать себя с целью предотвращения социально-го хаоса и революции¹⁸. Признание этого заставляет искать иное, более убедительное объяснение. Для этого следует вернуться к неоднократно звучавшей в литературе идее о том, что положения X таблицы должны были относиться к области сакрального права, поскольку они тесно соприкасались по предмету своего регулирования с религиозной сферой. Показательно, что для Цицерона первым и наиболее очевидным было религиозное объяснение причин введения ограничений при погребениях¹⁹. Возможно, большую ясность «нововведения» X таблицы обретают в контексте сравнительного материала «примитивных» обществ. В литературе справедливо указывалось на то, что в позднеродовом обществе погребения зачастую выполняли ту же функцию, что и погребения²⁰. Подобная практика вызывала серьезное напряжение общественных ресурсов, что в условиях кризисной ситуации могло привести к переосмыслению традиционной погребальной практики и введению ограничительных норм²¹. Однако, значение погребального ритуала явно не исчерпывается указанной функцией. В архаическом Риме он выполнял, по крайней мере, две важных функции, которые могут быть обозначены как «религиозно-магическая» и «социальная». «Религиозно-магическая» функция была направлена на очищение общины, ее избавление от скверны, опасность которой была связана с телом умершего человека²². Как отмечает И.Е. Суриков на примере греческой религиозной традиции, «скверна, имевшая самое прямое отношение к категории табу, неприкосновенности (неприкасаемости), фиксировала вступление человека в контакт с некими могущественными и непостижимыми силами: миром богов (особенно хтонических), миром смерти, миром тьмы. Вполне естественно, что присутствие трупа в доме, в полисе становилось мощным источником скверны, воспринимавшейся как заразная болезнь. Участие в похоронах само по себе оскверняло индивида... Многочисленные ограничения, налагавшиеся Солоном, как и другими законодателями, на погребальный ритуал, преследовали, помимо прочего, цель минимизировать возможность осквернения, «заражения» граждан полиса»²³. «Социальная» функция, тесно связанная с «религиозно-магической», заключалась в восстановлении общественного порядка, упорядочении социального бытия, вызванного смертью одного из членов общины, когда неизбежно нарушалась сложившаяся иерархия социальных ролей и функций. Как предположил М. Тоэр, первоначально погребальный обряд затрагивал практически всех взрослых членов римской общины, выполняя важнейшие задачи ее пурификации и восстановления социального порядка. Однако по мере развития и роста общины участие всех ее членов в погребальном обряде становилось все более проблематичным. Возникшее противоречие между коллективным характером погребального обряда, с одной стороны, и демографическим ростом и социальной дифференциацией внутри римской общины, с другой стороны, привело к кризису традиционной модели. По мнению исследователя, этот кризис, отразивший определенные изменения в жизни Рима, как раз и приходится на время принятия законов XII таблиц²⁴.

¹⁷ Toher M. Op. cit. P. 272, 280.

¹⁸ Ibid. P. 270.

¹⁹ Cic. De leg. II. 25: Quod autem pietatem adhiberi, opes amoveri iubet, significat probitatem gratam esse deo, sumptum esse removendum. Quom enim paupertatem cum divitiis etiam inter homines esse aequalem velimus, cur eam sumptu ad sacra addito deorum aditu arceamus? (Что касается веления закона «проявлять благочестие, отказываться от роскоши», то оно значит, что божеству угодна добропорядочность, а затрат надо избегать. И в самом деле? Желая, чтобы даже среди людей бедность была равноценна богатству, станем ли мы преграждать ей доступ к богам, связав совершение священнодействий с затратами?)

²⁰ Humphreys S.C. Death and Time // Mortality and Immortality: The Anthropology and Archaeology of Death / Ed. by S. C. Humphreys and H. King. L.-N.Y., 1981. P. 268.

²¹ В связи с этим М. Тоэр высказывает интересную мысль о том, что исчезновение роскошных погребений на территории Лациума можно объяснить не только экономическим упадком данной территории, но и, например, началом строительства общественных святилищ, куда были перенаправлены «расточаемые» общиной средства (Toher M. Op. cit. P. 281).

²² Sauerwein I. Op. cit. S. 9.

²³ Суриков И. Е. Указ. соч. С. 118-119.

²⁴ Toher M. Op. cit. P. 285.

Как представляется, изменения в области религиозного мышления указывают на переходный характер времени возникновения норм, зафиксированных X таблицей. По мнению М. Тоэра, перемены, отразившиеся в положениях X таблицы, являлись продуктом развития городских полисных структур в архаическом Риме. Близкий подход характерен для А.В. Коптева, согласно которому, в нормах X таблицы нашел свое выражение период формирования первоначальной городской территории, время слияния соседских общин Палатина, Капитолия и отчасти Целия в единое пространство, когда прежние традиции сельской жизни заменялись новыми городскими порядками. Поскольку обычаи первобытных престижных пиров и ритуальных трат накопленного имущества не вписывались в более рациональный быт нового сообщества, положения X таблицы зафиксировали столкновение новых городских и старых догородских традиций. В данной связи следует обратить внимание на еще один аспект проблемы. Как было отмечено в литературе, практика ограничения погребений через законодательство не имеет аналогов в «примитивных» обществах, но обнаруживает прямые параллели с греческим законодательством. Это заставляет поставить вопрос о возможности трансляции инокультурных религиозно-правовых представлений в общественную культуру Рима. Как известно, еще Цицерон отмечал близость положений X таблицы солоновскому законодательству о погребениях. Существует огромная литература, посвященная проблеме рецепции законов Солон римским правом. Хотя в большинстве своем современные исследователи склоняются к признанию достоверности античной традиции о влиянии солоновского законодательства на раннее римское право, традиционная версия о посольстве римлян в Афины для ознакомления с местными законами (*Liv.* III. 31. 8) оставляет место сомнениям. Думается, что влияние греческого права на законы XII таблиц все же имело место, хотя и не в столь прямой, как на этом настаивает античная традиция, представленная Ливием, а более опосредованной форме. Обращает на себя внимание, что в традиции принятие децемвирального свода связывается не только с Афинами. Квинт Аврелий Симмах и Аммиан Марцеллин указывают на заимствование римлянами законов Ликурга из Спарты, а Иоанн Лид – законов Периандра из Коринфа²⁵. Дионисий Галикарнасский сообщает, что римляне обращались к правовому опыту различных греческих полисов, причем не только материковой, но и южноиталийской Греции²⁶. Последняя версия представляется наиболее вероятной. Существует определенный пласт традиции, в котором именно с полисами Великой Греции связывается принятие законов XII таблиц, а инициатором их создания предстает находившийся в Италии в изгнании Гермодор Эфесский²⁷. Как сообщает Плиний, на Форуме была даже воздвигнута статуя Гермодора в благодарность за его деятельность в качестве переводчика греческих законов. С другой стороны, М. Тоэр обратил внимание на то, что в Риме в период, хронологически близкий эпохе децемвирата, было основано, по крайней мере, три храма, посвященных богам греческого происхождения – Церере, Меркурию и Аполлону²⁸. Строительство новых храмов, по его мнению, отражало возросшее влияние в Риме греческой религиозной традиции, в том числе и на область правотворчества. Таким образом, следует предположить, что принятие X таблицы было связано с целым комплексом причин, среди которых на первое место следует поставить усложнение социальной организации и демографический рост римской общины. Эти нормы можно истолковать как показатель определенной зрелости городского устройства Рима, преодолевавшего подобным образом проявления архаики в области погребального обряда, унаследованные от «догородского» периода римской истории. Ориентация на более высокий, «городской» уровень цивилизации делала привлекательным в глазах римлян опыт организации жизни южноиталийских греческих полисов, наиболее развитой и урбанизированной части Апеннинского полуострова. Важность погребального обряда была обусловлена в первую очередь его тесной связью с религией, что обусловило серьезные трудности в реализации реформы, поскольку сложившаяся к моменту принятия X таблицы практика организации погребений опиралась не только на традицию, но и на авторитет религии. Возможно, одним из путей преодоления архаических традиций в области погребального обряда стала апелляция к греческой религиозной традиции, получившей распространение в этот период.

²⁵ *Symm. Epist.* III. 11; *Amm. Marc.* 1XVI. 5. 1; *Lyd. De mag.* I. 42.

²⁶ *Dionys.* X. 51. 5; X. 54. 3; X. 56. 5.

²⁷ *Strabo.* XIV. 1. 25; *Plin. NH.* XXXIV. 21; *Pompon. D.* 1. 2. 2. 4.

²⁸ О датировке этих храмов см.: *Bayer E.* Rom und die Westgriechen bis 280 v. Chr // ANRW. Bd. I. Berlin - New York, 1972. S. 362-368.